

«Комсомольская правда», 1976,
10 февраля

БАЛАГУР, пересмешник, задира, лукавый и вместе с тем доверчивый, отзывчивый, смекалистый, с неповторимым, чуть растянутым говорком, с заразительной улыбкой, которая, казалось, в силах расцветить черно-белую кинолентку, — таким его экранный образ остался в памяти зрителей тридцатых и сороковых годов и перешел к нам, в семидесятые, как завещание той поры. Все, кто знал актера лично, работал с ним, светлеют лицами, едва услышат или сами произнесут это имя: **Петр Алейников**. О нем говорят так, будто расстались с Алейниковым минуту назад и ненадолго. Кажется, сейчас он вернется, и можно будет более щедро распорядиться отпущенным ему талантом и человеческим обаянием.

на парторг ЦК на шахте Константин Петров, прославленный летчик Михаил Громов, отважный полярник Иван Папанин, знаменитый форвард Андрей Старостин...

Не все говорят здесь непосредственно об Алейникове. Больше — о времени, когда энтузиазмом сворачивала горы, когда готовились к ошеломляющим рекордам в небе, в шахте, на зеленом поле стадиона, когда громко переживали радость первопроходцев, а новые песни пели всей страной. Говорят они «попросту и без затей, не по сценарию», как выразился Старостин. Многие рассказы замечательны, кроме всего, редкостным самораскрытием характеров. Люди на экране повторно и по-новому переживают испытанные ими в юно-

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПЕТР МАРТЫНОВИЧ

Удивительно открытый характер Петра Алейникова, похоже, и позволил сценаристам Майе Туровской и Юрию Ханютину, режиссеру Никите Орлову, создавшим на «Мосфильме» картину об Алейникове, обойтись в названии его именем и отчеством, как если бы речь шла о человеке, живущем в близком соседстве, о друге. Фильм «Петр Мартынович и годы большой жизни» сделан, право, не просто «в память», не по дежурной канве мемориальной ленты, но по неотразимому влечению к материалу, с пристальностью и тонкостью исследователей, с риском самостоятельно найденных, неожиданных ходов и внутренних сцеплений. И еще — с неостывшей личной любовью к замечательному актеру, с благодарной оглядкой на его непосредственное присутствие в картине. Работа над фильмом-монографией направлялась желанием авторов понять, на чем была основана легендарная слава Алейникова, что же в характере, который он создал, пришлось в пору эпохи.

Вслед за студийной маркой сменяют друг друга фрагменты из фильмов «Комсомольск», «Большая жизнь», «Трактористы», «Семеро смелых». Вот Петя Алейников среди молодых энтузиастов, приехавших строить на Амуре новый город. Вот шахтер Ваня Курский, чумазный, счастливый, распираемый гордостью, вместе с товарищами по бригаде шагает после рекорда под гром духового оркестра и ликование встречающих... Неугомонный весельчак Савка с друзьями-трактористами улыбается нам и машет рукой... Понадобились стоп-кадры, чтобы хоть механическим насилием над «самостоятельной» динамикой алейниковских персонажей выхватить их на миг из людской гущи, вне которой они немислимы. В монтажном прологе к «Петру Мартыновичу...», состоящем из хрестоматийных киноэпизодов, намечилась разгадка феномена Алейникова, которую затем подтверждают словами, каждый на свой лад, участники картины — соратники артиста и живые герои тех лет. Среди них Борис Андреев, Аркадий Райкин, Сергей Герасимов, Леонид Утесов, один из инцидаторов стахановского рекорда, в те време-

сти беды, мечты, дерзания, ошибки.

Эти монологи, перемежаемые фрагментами Алейникова, дополненные хроникой в полиэкранных ретроспекциях, вместе образуют своеобразное исследование. Оно носит характер социологический, поскольку внимание авторов занято не одними лишь перипетиями творческой судьбы артиста, но в целом общественным нравственно-психологическим климатом периода «Комсомольска» и «Большой жизни» и, попутно, исключительной ролью кинематографа в духовном арсенале того поколения.

Исследование, фильм-монография — непривычные рубрики в табели о жабрах художественного кино. В этом плане «Петр Мартынович...» — произведение экспериментальное, новаторское. Его создатели посягнули обновить приемы, раздвинуть границы биографического фильма. Игра Алейникова, Андреева, Крюкова вписалась в хроникальную панораму. Старые кинопостановки, казавшиеся теперь в чем-то наивными, тем не менее имеющие в наших глазах силу бесценного документа, органично вошли в сочиненный сюжет, по которому молодой актрисе Арине Алейниковой не дается роль из эпохи тридцатых годов и она по настоянию режиссера (О. Ефремов) мысленно проходит путь отца, чтобы найти объяснение необыкновенной жизненности его героев...

Когда спустя несколько дней мысленно возвращаешься к картине, сами собой уходят «из кадра» ее просчеты, в общем-то, неизбежные в эксперименте. Зато легко вспоминается ее лирический лейтмотив — сочинение молодого композитора А. Рыбникова.

Итак, Борис Андреев вспоминает свою молодость, на пустой трибуне стадиона Андрей Старостин тоскует о «звуковом» футболе, в московском цирке Юрий Никулин деликатно напутствует дебютантов клоунады примером Алейникова. Но в центре этого группового портрета покоряет неистощимым оптимизмом, естественностью, редким обаянием главный герой картины, ее душа — **Петр Мартынович**.
А. ТРОШИН.

Кадр из фильма «Петр Мартынович и годы большой жизни».